

ГИШЕВ Нух Туркубиевич
доктор филологических наук,
заведующий отделом языка
Адыгейского научно-исследовательского института
гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева
Майкоп, Россия
Nukh T. GISHEV
Dr. Sci. (Caucasian Languages)
Head, Department of Language,
Adyghe Republican Institute for Humanitarian Studies
Maykop, Russia
arigi@mail.ru

Национально-специфические термины вежливости в адыгских языках

В статье дается характеристика национально-специфическим терминам вежливости в адыгских языках, образованных суффиксальным элементом **-пкIэ** со значением «цена», «стоимость» или «дар за что-то» в знак извинения или выражения вежливости по отношению к уважаемому человеку. Автор анализирует каждый термин в тесной связи с традиционными обычаями адыгов и культурой адыгского народа, поясняет особенности использования этих лексических единиц. Особо подчеркивается объединяющее начало, лежащее в основе вежливости как составной части этикета адыгов, служащей для душевного сближения людей, нацеленной на смягчение их отношений.

Ключевые слова: этикет, этика, традиционная культура, речевая культура, вежливость, адыги, адыгагъэ, специфические термины вежливости.

National Specific Terms of Politeness in the Adyghe Languages

The article describes the national-specific terms of politeness in the Adyghe languages, formed by the suffixed element **“-пкIэ”** with a meaning of “price”, “value” or “gift for something” as a token of apology or expression of politeness towards the respected person. The author analyzes each term in close connection with traditional customs and culture of Adyghe people, explains the features of the use of these lexical units. It is emphasized that the unifying principle is underlying the politeness as part of the etiquette of the Adyghe people, serving for the soulful convergence of people, aimed at mitigating their relationship.

Keywords: etiquette, ethics, traditional culture, speech culture, politeness, Circassians, adygage specific terms of politeness.

В любом языке человеческого общества выражены деятельность, мысли, чувства, окружающая среда, социальные взаимосвязи людей, отношение к старшим и младшим по возрасту, к женщине и мужчине, а также особый этикет, выработанный тем или иным народом и т. д. В настоящей работе мы хотим обратить особое внимание на специфические термины вежливости адыгских языков, используемые в случаях или обстоятельствах радостного сообщения или встречи (по-адыгейски – «гъэшIоныгъэ гущыIэхэр») уважаю-

щих друг друга людей. В подавляющем большинстве термины вежливости такого рода образуются с помощью слова-суффикса **-пкIэ** со значением «цена» («стбIт», видимо, производный от слова *пкIыIн* в смысле «от души», «исходить от чистого сердца»). Речь идет о таких терминах вежливости у адыгов, как: *хъ-упхъа-пкIэ* («за прилежность», т. е. «премия»), *лэжъа-пкIэ* («за работу (даю), т. е. «зарплата»), *гуихы-пкIэ* («дар за испуг»), *укIыта-пкIэ* («плата за стыд»), *лъэхэхъа-пкIэ* («дар за нарушение обычая избегания»), *кIуа-пкIэ* («дар за то, что

пошел за тебя куда-то») и т. д. Такие термины несут заряд вежливого обращения и служат составной частью адыгской культуры, основанной на национальных традициях, и адыгского речевого этикета.

Вместе с тем следует отметить, что термины вежливости обычно объединяются и с экстралингвистическими явлениями, т. е. образуются с помощью языковых и внеязыковых средств. В данном случае термины вежливости типа *гушлуа-нкIэ* («плата за сообщение радости») превращаются из обычного слова со своим морфологическим строем в понятие с общим коммуникативным значением. Другими словами, лингвистическое средство преобразуется в логическое понятие и приобретает общенародное, общечеловеческое значение, отражающее культурные ценности данного народа.

Что такое «культурные ценности народа»? Для ответа на этот вопрос необходимо объяснить общественную значимость каждого термина вежливости, поскольку они являются не только обычными словами со своими лингвистическими объяснениями, а целыми понятиями культурной истории адыгского народа, наполненными национальным и социальным содержанием.

Предварительно следует отметить, что почти все термины вежливости ориентированы на душевное сближение людей, на смягчение их отношений. Лингвистическое толкование рассматриваемых терминов подсказывает, что они используются в языке со значением дарить что-то кому-то за что-то. Однако с точки зрения логики или культурной ценности они выражают лишь вежливое самовыражение общающихся друг перед другом, вовсе не обязательное для реализации их лексического значения. Главной общественной функцией терминов вежливости является создание корректного в этикетном смысле культурного взаимоотношения в обществе. Именно такие слова в полной мере показывают связь языка с культурой народа, создают сродство душ собеседников.

Так, термин *гушлуанкIэ* («дар за сообщение радости») используется при сообщении, несущем особый положительный эмоциональный заряд, например: сообщение о том, что родился сын так ждавшего его отцу;

живым и здоровым вернулся сын с войны к родителям; дочь поступила в высшее учебное заведение, выдержав конкурс, и т. д.

Первому лицу, сообщившему о радости, по обычаям адыгов, полагается *гушлуанкIэ* («дар за сообщение радости»). Нужно отметить, что подношение за сообщение может иметь самую разную форму, и не носит обязательный характер, также не определен его размер и вид, но само подношение должно быть приятно и тому, кто сообщает, и тому, кому сообщают. В качестве предметов подношения могут выступать деньги, овца, курица или петух, платье, специальная вечеринка с празднично накрытым столом. Вид дара за радостное сообщение во многом зависит от возраста, пола, наклонностей сообщившего, а также от возможностей дающего *гушлуанкIэ*.

Термин *гуихынкIэ* («дар за неожиданный испуг») употребляется больше всего при игре в *къандис* – «душку»¹, при которой участники разламывают душу и устанавливают срок, в течение которого они не должны ничего брать друг у друга. Если же один берет что-либо у другого, то берущий должен сказать, что «помнит» о споре. Если же он не напомнил и взял какую-нибудь вещь, то тот, у кого он взял, заявляет (напоминает): «*Къандис!*» («душка»). При этом тот, кто забыл, сильно испугается с сожалением, что проиграл и теперь должен отдать условленный предмет спора. Однако выигравший игру, по обычаю, должен платить *гуихынкIэ* – «дар за испуг» проигравшему. Здесь, как обычно, все строится на добровольных началах, никаких обязательств друг перед другом стороны не имеют – все совершается ради обоюдного веселья. Впоследствии термин *гуихынкIэ* использовался при испуге (или при вызове испуга) пожилой женщины, или при неуместном шуточном сообщении чего-то страшного с целью напугать. Тот, кто пугал пожилого человека, должен был «откупиться» или извиниться перед старшим за испуг подношением *гуихынкIэ* («подношение за то, что напугал»). При этом оба были довольны и благожелательны по отношению друг к другу.

¹ Душка или дужка – распространенное в народе наименование грудной вилочки (вилочковая кость, лат. – *furcula*) у птиц, сформированной двумя сросшимися ключицами (*прим. ред.*)

У адыгов есть хорошее слово *уклытанкIэ* («дар за стыд»), используемое обычно при появлении молодых перед родителями или старшим по возрасту родственником после их женитьбы. Этот дар тоже считается знаком уважения родителей и старших. После свадьбы или даже при появлении перед родителями с первым ребенком, молодые появлялись перед старшими с каким-нибудь подношением, что воспринималось как великое выражение вежливости и воспитанности молодых перед старшими и достоинство ими оценивалось. Выполнение этой этикетной нормы рассматривали в качестве признака воспитанности молодых. Разумеется, важность в данном случае имеет не ценность подарка, но соблюдение адыгского этикета, «адыгэ хабзэ», «адыгагъэ» – «адыгства». В подношении *уклытанкIэ* нет, конечно, ничего обязывающего, но соблюдение его как элемента культуры адыгов очень приятно и молодым, и старшим.

Термин *лъэхэханкIэ* («плата за преодоление избегания») является частью адыгской культуры и выражает уважение к старшим, олицетворяя вежливые взаимоотношения, в первую очередь, между свекровью или свекром и невесткой, между тещей или тестем и зятем. При первой встрече невестки со свекровью или свекром нужно было дарить *лъэхэханкIэ*, что знаменовало собой завершение периода действия обычая избегания и являлось обязательным выражением вежливости по отношению друг к другу. Стоит отметить, что *лъэхэханкIэ* должна была преподнести инициативная сторона, но, как правило, подношения совершались с обеих сторон. Плата за прекращение избегания – *лъэхэханкIэ* – за редким исключением сближала их. Иногда при горячем характере отношений или плохом воспитании одной из сторон, этот обряд нарушался, и обычай избегания снова возобновлялся. В фольклоре адыгов встречаются случаи подобного рода.

Слово *гъэшлуанкIэ* («подарок за почитание») является знаком уважения к старшим (родным, соседям, приятелям). Преподносится он, например, когда отсутствовавший долгое время молодой человек при возвращении домой, наносит визит соседке-старушке, спрашивается о её здоровье, обнимает её и при этом дает ей *гъэшлуанкIэ* в виде платка, бус, тапочек,

носков или какой-нибудь безделушки. Этот дар, возможно, не очень ценный, имеет огромное морально-этическое значение, ведь соседский парень за долгое отсутствие не забыл её и пришел к ней с подарками. Такое отношение для неё – настоящий праздник души. Таким же образом, например, внучка, отсутствовавшая целый год, после сдачи экзаменов приехала на каникулы и в первую очередь посетила любимого дедушку, подарив красочную палку с изогнутой головкой в знак особого уважения – *гъэшлуанкIэ*. Дедушке это очень приятно, от этого подарка он молодеет душой. Разумеется, получатель подарка радуется не столько ценности палки, сколько тому, что внучка помнит о нем и по-прежнему любит его, не забыла адыгскую культуру выражения вежливости и уважения.

Когда-то у адыгских народов использовался термин *тхъэпчылуанкIэ* («дар за молебное причитание»). Такой подарок давали пожилой женщине, которая молилась при выводе невестки из комнаты молодых, и организовывали «нысэудж» – «танец с участием невестки», обычно среди женщин [2, с. 117–118].

Суть обряда, заключенная в слове *тхъэпчылуанкIэ*, такова: родители невестки присылали длинный платок специально для обряда «нысэудж», во время которого этот платок должен быть перекинут через плечо той женщины, которая произносила напутственное моление-пожелание невестке. После завершения обряда моления, платок оставляли (дали) той, которая пела молитву добра. Морфологический состав слова подсказывает его лексическое значение – *Тхъэ* «бог» + *луа* (*ло*) «произносить» + *нкIэ* «стоит» («цена»), т. е. «цена за просьбу (причитание) перед Богом». Что же касается морально-этического или культурного значения этого обряда, то для общества он представлял большую ценность, выступая в качестве знака уважения, любви и сближения, поскольку далеко не каждой женщине доверяли вести этот обряд, и пользоваться правом первой обнимать невестку.

Слово *кIуанкIэ* («знак внимания (доверия) идти») или «выбор-доверие пойти», то есть некто доверяет именно тебе идти куда-то для решения важного дела. В этом термине имеется слово-суффикс *-пкIэ*, означающее в данном случае не «дарение», а выражает

лишь «выбор», «доверие», т. е. из всех кандидатов-послов тебе больше всех доверяют быть посланным. Подобное отношение поднимает авторитет посылаемого, и именно в этом смысле данному слову придается культурно-этическое значение, поскольку самое дорогое для человека во все времена – доверие окружающих, доверие общества.

Взаимные отношения людей, основанные на поддержке и взаимопомощи, обусловили возникновение обычая *улэупкIэ* («плата за бескорыстную помощь»). В морально-этическом плане – это проявление человечности, вежливости и уважения человека к человеку. Помочь другу, соседу и просто знакомому человеку – характерная черта адыгов, воспитанных по законам «адыгагъэ» – «адыгства». Тот, кто помогал ближнему, не думал об оплате за труд, более того, если начнут платить за его труд (помощь), такой человек может и обидеться. Но тот человек, которому в нужный момент оказали бескорыстную помощь, как правило, все же хочет проявить человеческое внимание в награду за нее и в очень корректной форме, не обижая своего помощника, может сделать ему любезное подношение. Такое подношение в адыгской лексикографии обозначается словом *улэупкIэ* («плата за утомленность»). Разумеется, дарение за помощь не является обязательным, а служит выражением уважения, вежливости, проявляемых к человеку, составной частью традиционного этикета адыгов.

В адыгской свадебной обрядности присутствует обычай, когда невесту выводят из родительского дома, один из дружков жениха оставляет на столе или кладет незаметно под подушку деньги, сумма которых четко не определена, будучи зависимой от состояния и желаний жениха. Этот акт этикета в языке адыгов отразился словом *гъэтэджыпкIэ*, означающим «дар за то, что девушка согласно встала и покидает родительский дом». Подарок расходуется по усмотрению родителей невесты. Оставленные *гъэтэджыпкIэ* подчеркивают уважение жениха к родителям и родственникам невесты.

Термин *плъапкIэ* («подношение за предсказание...») использовался, когда провидец или чаще всего эфенди («мулла») предсказывает человеку о том, что его ожидает в будущем. «Предсказание», если оно пози-

тивно, смягчает человека, делает его бодрее; если же его ждет не совсем удачная жизнь, то мулла (провидец) все же оставляет человеку надежду на улучшения в будущем. Это придает веру в поправлении его дел, укрепляет в стремлении к лучшему. За «предсказание» обычно преподносят что-нибудь провидцу (или мулле). Такой дар, являвшийся необязательным, народ называл словом *плъапкIэ*.

Со словом *плъапкIэ* сходен по значению или характеру и термин *пщапкIэ* («подношение за то, что целитель (или мулла) подул на больного или больное место»). Суть этого обряда заключается в том, что если человек заболел горячкой, страдал лихорадкой или предположительно подвергся сглазу, то приглашали целителя или эфенди (муллу), которые осматривали больного. За неимением лекарств и соответствующих знаний о характере болезни они что-то приговаривали и дули на больного, убеждая его и его родственников в том, что ничего страшного нет, скоро все пройдет и он поправится. Такое внушение в некоторой степени обнадеживало пациента и положительно действовало на родственников. Ободренные этим внушением родители или близкие считали своим долгом преподнести эфенди или целителю *пщапкIэ* («подношение за то, что подул на больного»).

Термин *къэшъуапкIэ* («подношение за танец») использовался применительно к традиционному ритуалу, проводившемуся в женском обществе в конце свадьбы и имевшему шуточный характер. У адыгов пожилым или замужним женщинам, как правило, не было положено танцевать на свадьбах, однако этот традиционный порядок нарушали в кругу женской компании. В конце свадьбы, когда невестку вводили на кухню, где находились в основном женщины, затевались танцы, на которых заставляли танцевать женщин-родственников жениха. Некоторые из них отказывались принимать участие в этом действе и должны были оплатить несостоявшийся танец – и все присутствующие в шутку кричали *къэшъуапкIэ къыптефагъ* «ты заслужила плату за отказ танцевать». Никто не отказывался платить «наказание». Обычно платили кружку бузы (бакъсымэ), жареная курица, узорчатые *щэ-лам* – «тонкие лепешки, жаренные в масле», фигурные и узорчатые *хъалыжъо* – «пирожки

с сыром, испеченные в масле» и т. д. Этот ритуал вносил дополнительное веселье в женский коллектив. О тех женщинах, которые принимали танец и танцевали превосходно, днями и неделями ходили добрые хвалебные слухи не только в женском кругу, но и во всем свадебном обществе. Все эти элементы культуры вежливости вносили в адыгское общество живость, уважительное отношение друг другу.

Наряду со словом *лэуасэ* («цена, выплачиваемая за убитого») [3, с. 169], у адыгов существовал и другой термин – *лбышлэжыпкIэ* («благодарственный поступок (дар) за убитого»). Существовал обычай, когда убийца брал (или выкрадывал) ребенка убитого или малыша из рода убитого. Он воспитывал его у себя до подросткового возраста, обучая верховой езде, джигитовке, стрельбе и другим военно-спортивным играм, а также учил безукоризненно выполнять основные требования адыгства, т. е. воспитывал настоящим адыгом-рыцарем, благородным, порядочным, гуманным. Он одевал его по последней моде современности, дарил положенные черкесу доспехи, самого лучшего коня, дорогие подарки родным, и т. д. С этими дарами молодого человека торжественно приводили домой и представляли (возвращали) родителям и родственникам. Все это смягчало родственников воспитанника, они забывали о мести или прощали, с радостью принимая своего юношу и подарки. Этот обряд (или прием примирения, предотвращения мести) сближал стороны (роды), которые становились почти родственными. Таким образом, этот обряд, как и все перечисленные, являлся знаком выражения вежливости у адыгов.

У адыгов, особенно у кабардинцев, был такой обряд: семья, куда приводили невесту, приглашала признанного народом артиста, увеселяющего гостей. До конца свадебного периода он играл роль распорядителя, тамады, шутника, весельчака, анекдотиста, импровизатора и музыканта. Такому лицу приводили хорошего коня из семьи, куда предварительно отвозили невесту (у адыгов раньше невесту не сразу привозили в дом жениха, а предварительно размещали в доме близких жениху людей, где ей была приготовлена комната) и дарили животное ему. Этот подарок отразился в языке адыгов словом *пцынэуапкIэ* – «дар му-

зыканту (или гармонисту)». Такой дар являлся знаком внимания и вежливого отношения между гармонистом-импровизатором, семьей, от которого привели коня, и семьей хозяев торжества.

Как знак уважительного отношения в среде адыгских князей и дворян использовали обряд *тецэрыпкIэ* («дар за временное пребывание невесты у своего близкого дворянина в течение около года»). За то, что жена молодого князя находилась в доме своего друга, князь дарил ему одну семью из своих тфокотлей и лошадей, которые были запряжены в телеге, когда невесту везли из родительского дома.

У адыгов был период, когда отдельные люди занимались угоном чужого скота, кражей имущества. Разумеется, собственник украденного усиленно искал свое кровное добро, сильно переживал и опрашивал людей о похищенном. Находились люди, которые были свидетелями угона или кражи и, жалея обворованного, сообщали о виновнике или о способе нахождения краденного добра. Такой человек оказывался в какой-то степени вовлеченным в ситуацию, и назывался *хацэ* – «лазутчик». Он подсказывал страдальцу то, что знал, не из расчета получить за это вознаграждение, а лишь за то, что пожалел обворованного и относился к нему с уважением и состраданием.

Тот человек, которому он помог найти краденое, в знак благодарности отвечал ему дарением чего-либо в знак уважения. Этот знак в адыгских языках отразился словом *хэщапкIэ* – «дар за то, что втянулся в дело» безвозмездно, по своей воле, из уважения к пострадавшему человеку. Конечно, факт того, что этот человек стал *хацэ*–«лазутчиком», держался в секрете. Но «дарение за сообщение» все же сближало этих людей, поэтому и слово *хэщапкIэ* воспринимается адыгами как элемент культуры этикета, связанный с выражением вежливости.

К шуточно-вежливым отношениям культуры адыгов относился ритуал, выражаемый словом *убытыпкIэ* – «вознаграждение за поддержание уздечек всадника». Суть его заключалась в следующем: к юноше, который уже приступил к трудовой деятельности в поле или на стане, мог подъехать всадник, которого тот встречал, поддерживая уздечки его коня и помогая спешиться. В это время

старшие работники вели и привязывали коня к коновязи. Это означало, что всадник должен был привести ягненка или овцу к ним в поле и угощать всех работников. Когда всадник-гость выполнял требование этого ритуала, они возвращали ему коня и считали с этого времени юношу достойным (или созревшим) встречать всадников, помогать им спешиваться и угощать их самостоятельно. За честное проведение такого ритуала все они дарили юноше звание зрелого человека, умеющего с достоинством встречать любого гостя. Это все выражалось в слове *убытыпклэ* – «дар за достойное поддержание» или умение встречать всадника-гостя.

Когда-то у адыгов был порядок, в соответствии с которым каждый аул имел своего табунщика, которому платили за труд, причем плату вносили также и те семьи аула, которые не имели коней. Между тем они имели право взять с табуна любого коня и снова пустить его в табун после использования. За пользование чужим конем никто их не упрекал и не наказывал. Так было заведено тогда в адыгском обществе и это считалось обычной практикой. В то время, видимо, появилось слово *шэхъуапклэ* – «плата табунщику», воспринимавшаяся как часть уважительных взаимоотношений между жителями данного аула.

Использованная литература:

1. Гишев Н. Т. Мысли нараспашку. Гупшысэ шгъхъэихыгъэхэр. Майкоп: Полиграф-Юг, 2014.
2. Гузиекова С. М. Концепт «свадьба» в русском и адыгейском языках: лингвокультурологические основы формирования. М.: Флинта, 2013.
3. Толковый словарь адыгейского языка. Майкоп: Полиграф-Юг, 2012. Т. 2.

У адыгов был и есть обычай, когда молодой человек, перед женитьбой временно живет в семье близкого друга, избегая до свадьбы своих родителей, стариков и старух своего хабля (квартала). Его официально и торжественно приводят к родителям к завершению свадьбы. После свадьбы, когда уезжают домой те, у кого жених находился, его родители и старшие братья в знак вежливости или уважения дарят им овец или коня с кобылой, или тельную корову. Это подношение не является обязательным, но, по обычаю, посредством его стороны выражают свое благожелательное настроение, еще более сближающее обе семьи или даже два рода. Такой подарок в языке адыгов обозначается термином *клэщыжъыпклэ* – «дар за увод «воспитанника» к своим», т. е. «своего *шъао*», своего сына к родным.

В заключение хотелось бы отметить, что связь упомянутых здесь культурных терминов вежливости адыгов с их языком впервые описывается в настоящей работе, хотя эти термины были нами опубликованы ранее (см. в частности, [1, с. 206–210]) Думается, что объяснительное описание других культурных слоев в терминологическом составе языка адыгов покажет его взаимосвязи с культурой и особенностями развития социально-экономических отношений в адыгском обществе в разные периоды его истории.

References:

1. Gishev, N. T., *Mysli naraspashku. Gvpsħase Ŗheixə-gexer* (Unbuttoned Thoughts), Maykop: Poligraf-Yug, 2014.
2. Guziekova, S. M., *Kontsept «svad'ba» v russkom i adygeyskom yazykakh: lingvokul'turologicheskie osnovy formirovaniya* (Concept "Wedding" in the Russian and Circassian Languages: Lingvoculturological Bases of Formation), Moscow: Flinta, 2013.
3. *Tolkovyy slovar' adygeyskogo yazyka* (Explanatory Dictionary of the Adyghe Language), vol. 2, Maykop: Poligraf-YuG, 2012.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Гишев Н. Т., Национально-специфические термины вежливости в адыгских языках [Электронный ресурс] / Н. Т. Гишев // Наследие веков. – 2015. – № 4. – С. 113-118. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Gishev.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Gishev, N. T., *Natsional'no-spetsificheskie terminy vezhливosti v adygskih yazykakh* (National Specific Terms of Politeness in the Adyghe Languages), *Nasledie Vekov*, 2015, no. 4, pp. 113-118. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Gishev.pdf. Accessed Month DD, YYYY.